

Это был первый выход Ши Чжоу на красную дорожку. Он согласился поучаствовать ради интереса, но теперь, оказавшись здесь, понял, что это довольно скучно.

После того как он принял позу под неумолимым шквалом вспышек камер, ведущий — судя по всему, получивший указание уделить ему побольше экранного времени — втянул его в неловкое интервью и лишь затем наконец отпустил в главный зал.

Согласно рассадке, Ши Чжоу нашёл своё место — в самом дальнем, жалком уголке от сцены. Он едва успел согреться на стуле, как кто-то хлопнул его по плечу:

— Эй! Ши Чжоу, ты что здесь делаешь? Цинь Яньчэн тебя ищет.

Это был Синь Цзин, который по-дружески легко поднял его с места:

— Пошли, организаторы выделили для тебя дополнительное место ближе к сцене.

Переходить вперёд Ши Чжоу не хотелось — он с Цинь Яньчэном вовсе не были неразлучной парочкой. Но, заметив у передних столов еду и десерты, он тут же уловил явную иерархию: даже шампанское было на порядок лучше, а блюда подавались ещё горячими — в отличие от его стола, где всё уже давно остыло.

Ради хорошей еды Ши Чжоу нехотя пересел за стол рядом с Цинь Яньчэном. Организаторы, похоже, рассчитывая на привлекательность и популярность Цинь Яньчэна, посадили его за один стол с актёрами первой величины, из-за чего атмосфера там была немного натянута. К счастью, открывающее выступление айдол-группы на сцене немного разрядило обстановку.

Ши Чжоу вежливо поприветствовал всех, сел и молча принялся за еду. Пресса щёлкала фотоаппаратами, и пока остальные сидели напряжённо, боясь запачкать арендованные дизайнерские наряды или попасть в неудачный кадр, он ел без стеснения — за что и удостоился множества странных взглядов. Но Ши Чжоу это не волновало.

Его наряд не был арендованным, и голодать ради красивых фотографий он тоже не собирался. После того как мёрз на улице, он не собирался ещё и провести вечер на голодный желудок.

Наевшись досыта, Ши Чжоу принялся развлекаться, аккуратно очищая апельсины с фруктовой тарелки — так, чтобы кожура оставалась целой. Вскоре перед ним выстроился аккуратный ряд очищенных долек, и он начал искать «человеческую мусорку», чтобы скормить остатки.

Как раз в тот момент, когда он пытался всучить апельсин Цинь Яньчэну, на сцене внезапно погас свет. В темноте к нему поплыла бледная фигура — словно половина лица парила в воздухе...

Ши Чжоу вздрогнул и непроизвольно ткнул апельсином Цинь Яньчэна прямо в подбородок. Когда свет снова включился, он увидел, что это был Цзян Сун — половина лица покрыта чёрной краской, одежда изорвана и растрёпана, вид жалкий, будто вот-вот начнёт просить милостыню с пустой миской в руке.

Не только Ши Чжоу, но и все за столом украдкой бросали на него взгляды.

Цзян Сун, когда-то самоуверенный и высокомерный, теперь стоял униженный, с растоптанной гордостью. Но сожалел он не о том, что подставил Ши Чжоу — а лишь о том, что оказался недостаточно хитёр, и ему просто не повезло.

Как этот Ши Чжоу вообще мог сидеть за этим столом, рядом с Цинь Яньчэнем, да ещё и вести себя так по-бесстыдному близко? Скрипя зубами, Цзян Сун выдавил из себя извинение:

— Ши Чжоу... Я... прости. Это была моя вина.

Менеджер заранее написал ему целую речь, чтобы он мог сохранить лицо перед Цинь Яньчэнем и СМИ. Но увидев выражение лица Ши Чжоу — до того раздражающее — Цзян Сун почувствовал, как снова закипает от ревности. Он так и не смог выговорить остальное.

Он был готов к тому, что Ши Чжоу начнёт насмехаться, окончательно втопчет его в грязь. Или, как белый лотос, начнёт прикидываться жертвой, бросаясь в объятия Цинь Яньчэна за утешением.

Но Ши Чжоу лишь небрежно махнул рукой:

— Да-да, всё понял. А теперь проваливай.

Цзян Сун словно ударил по вате. Ошарашенный, он замер. Но Ши Чжоу действительно не придавал этому большого значения — его попросту напугал жуткий вид Цзян Суна в темноте. Весь в чёрной краске, с этим полным злобы взглядом, он выглядел как летающая половина головы — настоящий призрак. Кого послабее так и до смерти напугать можно.

А теперь, при свете, это всё выглядело просто нелепо. У Ши Чжоу был низкий порог смеха, и он боялся, что сейчас не выдержит и рассмеётся, поэтому только и хотел, чтобы Цзян Сун убрался с глаз долой.

Подтолкнув локтем Цинь Яньчэна, Ши Чжоу всё-таки не сдержался и тихо хихикнул:

— Ну ты хоть краску бы ровно размазал... И охрана твоя — прям как хозяин, таковы и слуги. Уж как постарались с образом — чистый авангард.

Если бы это зависело от Ши Чжоу, он бы просто врезал Цзян Суну до опухшей морды.

Но так, пожалуй, даже приятнее. Цзян Сун сам хлебнул того, что делал другим, и опозорился на глазах у всех. А учитывая, как он заиклен на своей репутации, это, должно быть, ранило ещё сильнее.

У Ши Чжоу вспышки гнева быстро проходили. Он не был злопамятным — тем более, раз уж реального вреда не понёс.

Цзян Сун ждал, что Ши Чжоу продолжит его унижать, но тот только лениво глянул на грудку апельсинов перед собой и протянул ему несколько долек — чтобы не пропадали.

Цзян Сун уставился на них с подозрением, почти уверенный, что они отравлены. Но несмотря на всю свою злобу, он боялся отказать. Дрожащими руками он принял апельсины и, не чувствуя вкуса от волнения, проглотил их. В тот момент, когда он поднял взгляд и встретился с ледяным взглядом Цинь Яньчэна, он едва не поперхнулся — и только тогда сбежал.

Цинь Яньчэн сам не понял, почему в какой-то момент ему стало неприятно, что кто-то ещё ест апельсины, очищенные Ши Чжоу. Но мысль проскользнула и тут же исчезла, оставив после себя привычное спокойствие.

Когда сидевший рядом с Ши Чжоу актёр первой величины ушёл готовиться к выступлению, на

его место тут же плюхнулся Синь Цзин:

— Ух ты, Ши Чжоу, можно мне апельсинку?.. Подожди, ты что, их для Цинь Яньчэна почистил?

Ши Чжоу с самым серьёзным видом кивнул:

— Пожалуйста, бери! Я что-то увлёкся и почистил слишком много. Кстати, хотел спросить ещё раньше... Вы с ним знакомы?

— С детства. Мы учились в одном классе с начальной школы до десятого. Такая вот проклятая судьба!

Ши Чжоу слегка наклонил голову, взглянув на вечно бесстрастного Цинь Яньчэна. Если Синь Цзин знал его с детства, значит, видел настоящего Цинь Яньчэна — и Ши Чжоу, в сравнении, ощущал себя какой-то подделкой.

Уловив его выражение неправильно, Синь Цзин поспешно пояснил:

— Эй, только не пойми неправильно! Пусть я и выгляжу молодо и невинно, но я стопроцентный топ, покоровший кучу боттомов!

Ши Чжоу расхохотался, услышав про «молодого и невинного». Кто вообще так описывает своё детское лицо?

Неловкость тут же рассеялась. Он махнул рукой:

— Да нет, раз уж мы все свои — скажу прямо: у нас не такие отношения.

К тому же Цинь Яньчэн совсем не казался ему геем. Ши Чжоу с его «гейдаром» определил бы его как ни прямо, ни криво — скорее выточенного из льда.

Синь Цзин захохотал, бросив на Цинь Яньчэна взгляд, в котором ясно читалось: Ну ты безнадежен! — и тут же заткнулся, встретившись с его ледяным взглядом. Быстро добавив Ши Чжоу в WeChat, он поспешно ретировался.

Цинь Яньчэн тихо кашлянул в кулак. У него был слабый иммунитет, и он уже несколько дней боролся с простудой. Вечерняя неразбериха и пронизывающий ветер только усугубили состояние.

Услышав кашель рядом, Ши Чжоу встревожился — вдруг приступ астмы? Он недавно узнал, что у Цинь Яньчэна скоро день рождения, и теперь надеялся, что тот хотя бы доживёт до него.

Когда-то его брат говорил, что новый возраст — это новое начало: вся неудача обнуляется, а благословения и надежды открывают новую главу.

В детстве Ши Чжоу верил в это всей душой. Позже стал считать это утешительной чепухой. Но после внезапной смерти Ши Ли он не мог не задуматься — а вдруг всё из-за того, что в тот год брат был слишком занят работой в Мельбурне и пропустил свой день рождения, не получив ни поздравлений, ни добрых слов от него...

Он понимал, что просто накручивает себя. Но в любом случае решил: когда настанет день, он обязательно помолится за здоровье и долголетие Цинь Яньчэна.

Становясь всё смелее по мере привыкания, Ши Чжоу вдруг протянул руку и коснулся его шеи

и лба:

— Цинь Яньчэн, да у тебя жар!

Губы у того побелели, но выражение лица оставалось спокойным:

— Низкий.

Неудивительно, что он почти ничего не ел. Низкая температура часто переносится хуже высокой. Ши Чжоу раньше недоумевал, почему тот сидит так скованно — теперь всё встало на свои места: ему всё это время было нехорошо.

— Так почему ты просто не остался дома? Зачем вообще пришёл?

Цинь Яньчэн молча смотрел на него, будто выбирая ответ... или просто не знал, что сказать.

Наконец, он ровным голосом произнёс:

— В следующем месяце киностудия «Цзиньшуй» начинает работу.

Звучало это как ни к селу ни к городу, но Ши Чжоу, всё ещё озабоченный его состоянием, не стал вдаваться в подробности:

— А, то есть ты теперь практически в индустрии. С твоей внешностью тебе вообще надо почаще появляться на экране — иначе пропадёт такая красота.

У самого Ши Чжоу график был довольно свободный.

На следующее утро он проспал до полудня и проснулся только от навязчивого гудения телефона.

Зевая, он нехотя вытянул руку из-под тёплого одеяла, отключил зарядку, схватил телефон и снова спрятался под одеяло, чтобы в темноте проверить сообщения.

Ну надо же — впервые попал в тренды на Weibo!

#ШиЧжоуПринцСИзящнымАппетитом

#ДушаГурманаДушаФуди

#ГлупышНоКрасавчик

Но у Ши Чжоу хватало антифанатов, так что пока одни хвалили (и он даже обрёл новых поклонников), другие всю язвили:

[Сельский простачок, будто в жизни еду не видел. Воплощение голодного духа?]

[Ну и что, что манеры за столом приличные? Всё равно фальшь сквозит за версту.]

[Интересно, с кем он сейчас спит? Уже не с директором “Цисин” Чжэном?]

Последний комментарий попал в точку. Ещё один топовый тренд оставил Ши Чжоу без слов — gifка, где он и Цинь Яньчэн сидят за одним столом.

Никакой близости, просто один мимолётный взгляд, а затем трёхсекундный фрагмент, где Ши

Чжоу чистит апельсин, а Цинь Яньчэн молча смотрит на его профиль.

Но и этого хватило, чтобы запустить новую волну обсуждений.

Фанаты уже перегрызлись. Хотя Цинь Яньчэн и не был знаменитостью, его фанбаза была огромна:

[Ну сели рядом, и что? Им что, за обедом по десять метров друг от друга держать?]

[Наш президент Цинь с каким-то безызвестным смазливим мальчиком? Серьёзно? Кто такой этот Ши Чжоу вообще? Первый раз слышу.]

[Наглость какая! Какой-то никто пытается хайпануть на имени Цинь Яньчэна? Да он просто подписал себе приговор!]

Фанаты Ши Чжоу не остались в долгу:

[О, а у вас, значит, фанаты особенные, да? Нашему крошке чужая слава даром не нужна.]

[С такими фанатами не мудрено, что Цинь Яньчэн до сих пор один. Кто ж осмелится с ним встречаться?]

[Вы что, слепые? Это же Цинь Яньчэн на него пялился! С чего вдруг Ши Чжоу виноват?]

Фанвары разгорелись не на шутку — обе стороны шли в бой, не жалея клавиш.

Самыми забавными оказались маленькие, но упорные отряды шипперов, которые уже вовсю лепили теории, арты и даже придумали имя для пары — ЧэнЧжоу (“□□” — «сесть в лодку»).

Игра слов получилась красивая, даже поэтичная.

Но Ши Чжоу, с его неисправимо развращённым воображением, всё равно чувствовал, что тут что-то... не так.

Возможно, дело в глаголе — уж больно двусмысленный вышел?

<http://bllate.org/book/12639/1121007>